

Искусство детектива Татьяны Гармаш-Роффе

- Татьяна Гармаш-Роффе отлично знает, каким должен быть настоящий детектив, и следует в своих романах законам жанра.
- Театральный критик, она умеет выстраивать диалоги и драматургию чувств. Неординарная личность, она дарит часть своей харизмы персонажам.
- Непредсказуемость сюжетных поворотов, точность в логике и деталях, психологическая достоверность в описании чувств, — таково ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА Татьяны Гармаш-Роффе.
- Главный герой ее романов частный детектив Алексей Кисанов, или просто Кис.
- По четырем романам Татьяны Гармаш-Роффе снят телевизионный многосерийный фильм «Любить и ненавидеть».

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

Ягоды страсти, ягоды смерти

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *С. Груздева*
Под редакцией *О. Рубис*
В оформлении обложки
использована иллюстрация *Сергея Груздева*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Ягоды страсти, ягоды смерти : [роман] /
Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с. — (Искусство детектива. Романы
Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-04-100375-3

Он приблизился к бочкам, где ягоды винограда отдавали душу. Отдавали в сок, которому вскоре суждено стать вином... Взяв в руки шест, Коля начал круговорот ягод. Как вдруг ощутил сильный толчок. Он хотел обернуться, увидеть того, кто пихал его в спину... Новый толчок погрузил его лицо в бочку. Коля захлебнулся, попытался выпростать лицо из виноградной жижи и сказать идиоту-шутнику все, что он о нем думает... Но в этот момент его ноги оторвались от пола, голова неумолимо пошла ко дну бочки, и ягоды проглотили его тело целиком. Его больше никто не толкал, но Коля об этом уже не узнал. Он умер.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гармаш-Роффе Т.В., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-100375-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

В романе вымышлено все: события, лица, имена и названия. Совпадения с реальностью могут оказаться только случайными.

Я упаду в тебя амброзией священной;
Лишь Вечный Сеятель меня посеять мог,
Чтоб пламень творчества зажегся

вдохновенный

И лепестки раскрыл божественный

цветок!

Шарль Бодлер.

ЦВЕТЫ ЗЛА. СХІІІ. Душа вина

Люди похожи на вина: с течением лет хорошие становятся только лучше, тогда как дурные портятся окончательно.

Цицерон

ЧАСТЬ 1

Сентябрь

— Как это «отказался»?! Значит, ты не сумел его убедить!

— Не надо на меня всех собак вешать! Это вы там прокололись, вы не учли, что он чокнутый!

— Что конкретно он сказал?

— Что собирается на свидание к винограду!

— К кому? К *Виноградову*?

— Да какому «Виноградову»? К *винограду*, растение такое, не слышали? Из него еще вино делают. А он помешан на винах! Влюблен в них, как в бабу! Сказал, что лучше бесплатно будет заниматься своим делом, чем за деньги — чужим!

— Ты ему сумму озвучил?

— Да все я ему озвучил, — раздраженно отмахнулся звонящий, — только он чокнутый! Блажен-

ный какой-то! Попросил ему не мешать, потому что у него начинается регистрация на рейс, вежливо так, даже по матери не послал!

— Значит, ты был неубедителен.

— Я?! Когда это я бывал неубедителен?! Он больной на голову, а дело профукали вы — не разобрались! К такому подъезжать вообще бесполезно, блаженный, говорю!

В трубке зависла тишина.

— Хорошо... — после паузы произнес голос. — Чтобы не звонил никуда, хоть это ты ему втолковал?

— Обижаете. И мобилу выкрал.

— Тогда подключай Деда. Он на месте?

— Как условленно, ждет гостя. И наших распряжений, само собой.

— Пусть не тянет. Промедление опасно, так что...

* * *

Теплая, шелковистая, налитая, как ляжка младенца, виноградная гроздь легла в ладонь. Николай невесомо провел пальцами по упругим выпуклостям. Квинтэссенция жизни. Лучшее, что может дать земля, заключено в этих темно-красных ягодах, которые скоро превратятся в вино, чтобы донести соки земли до людей...

Он покачал гроздь на ладони, то ли баюкая, то ли прикидывая вес, затем осторожно отпустил ее. Пора возвращаться в Шато.

Коля успел изрядно обгореть за это утро, в которое облазил чуть ли не весь многогектарный виноградник, трогая и обнюхивая тугие темно-красные плоды, любуясь их жизненной силой. Надо было, конечно, взять мягкую фетровую шляпу с большими полями, предложенную хозяйкой Шато де Сан-Клеман, — у нее такие имеются для всех ра-

бочих, — а он, по самонадеянности, отказался. Ни на одном курорте не носил он ни шляп, ни кепок, ни панам — и никогда не обгорал. Но тут, на склонах древних холмов, солнце, видимо, особенное: оно жарило с удвоенной силой, насыщая виноград своей энергией, а заодно и всех самонадеянных людей, не надевших шляпу.

Вернувшись на обширный двор Шато де Сан-Клеман, Коля некоторое время колебался. Искушение продолжить исследование винодельческого процесса было велико — у него тут всего четыре дня на все про все; но и обгоревшая кожа требовала внимания. Нужно бы на нее какой-нибудь крем или мазь наложить, не то пойдет пузырями к вечеру... До обеда оставалось еще полчаса, — Марилен, хозяйка, предупредила его, что стол накрывается к полудню, а он, «дорогой гость», прибывший накануне, на исходе дня, к этому столу приглашен. Рабочие, в основном сезонные, ели во дворе, за деревянными столами в тенишке, тогда как «своим» еду подавали в прохладной сумрачной столовой большого трехэтажного дома из шероховатого песчаника — то есть, в самом Шато¹. В столовой стояли такие же древние дубовые столы со скамейками, что и во дворе, да и еда почти одинаковая — «своим» прибавлялись к обеду вино и сыр, тогда как работягам эта роскошь перепадала лишь на ужин. Коля, однако, изначально включен в список «своих». Не потому, разумеется, что он им был, а потому, что его пребывание в Шато де Сан-Клеман щедро оплатил господин Бурлов, пославший своего персонального сомелье во Фран-

¹ Ш а т о (Château) — означает «замок». Но в традиции виноделия принято так называть любой дом, принадлежащий хозяевам виноградных угодий, даже если сама постройка больше напоминает сарай.

цию, в самое сердце винодельческих земель в округе Бордо, на закупку лучших вин для своих подвалов. Так что «дорогой гость» был в самом прямом смысле дорогим, а уж с учетом предстоящих закупок так и вовсе драгоценным.

Искушение взяло верх, и Коля направился к открытым дверям ангара, где ягоды претерпевали первоначальные изменения. Хозяйка, Марилен, называла этот ангар «ясли», что казалось вполне логичным в свете термина, который во Франции применяют к процессу изготовления вина: «воспитание», «выращивание». А раз вино *растят* и *воспитывают*, то, естественно, на первом этапе возникают «ясли»!

Коля вошел в широко распахнутую двустворчатую дверь, если не сказать ворота. И то, сюда ведь заезжают тракторы, везущие прицепы с ящиками виноградных гроздьев — их собирают наемные работники, сезонные. Дело нехитрое, обучение занимает десять минут: руками ягоды не трогать, срезать кисти секатором и бережно укладывать их в ящики. Помимо нескольких французских студентов, здесь подвизались сезонные работяги из Польши и других стран Восточной Европы, даже один русский есть, как сказала хозяйка. Мало кто из них говорит по-французски, и инструктаж проводится на языке жестов.

Привезенные с полей кисти разделяют более квалифицированные рабочие: французские крестьяне или опытные сезонные, которые тут уже не в первый раз. Они отделяют ягоды от веточек и сбрасывают их в широкие деревянные бочки, где для начала процесса долго перемешивают деревянными же шестами. Раньше ягоды давили женщины босыми ногами, но эта средневековая мане-

ра практически ушла в прошлое: общенациональные требования санитарии и гигиены берут свое.

Коля приблизился к бочкам. Здесь ягоды винограда, по его разумению, отдавали душу. Отдавали в сок, которому вскоре суждено стать вином и влиться в организмы людей по всему земному шару. Превращение солнечных ягод в солнечный напиток по имени Вино ему казалось великим чудом и таинством, и сейчас у него впервые появилась возможность поприисутствовать при чуде и таинстве.

Он подошел к одной из бочек, над которой колдовал какой-то парень, черноволосый и загорелый до черноты, не поймешь, местный или наемный. Некоторое время Коля заворуженно смотрел на крутящиеся под шестом ягоды, затем жестами попросил доверить эту работу ему.

Учитывая, что в этот момент прозвучал гонг, зовущий на обед, парень охотно уступил ступеньку у бочки, а сам направился во двор, где стояли уже накрытые столы.

Приладившись к шесту, Коля медленно начал круговорот ягод, внюхиваясь и вглядываясь. Ему казалось, что с каждым оборотом деревянного шеста ягоды винограда меняли цвет и запах — они высвобождали сок, который интенсивно отправлял аромат в пространство, и Коле было его жалко. Помешивая ягоды, он раздумывал над тем, как бы так сделать, чтобы поймать этот аромат, не дать ему уйти в воздух, заковать его на первом же, «ясельном» этапе в бочки и бутылки... Заковать, пленить, ничего не отдать воздуху, но все сохранить для той бутылки, которую вскроет знаток и, потянув ноздрями, скажет: «О, да!!!»

— Nicola! Nicola-a! À table! — услышал он. Марилен звала его к столу.

— Je viens! — ответил он. Интенсивного курса

французского перед отправкой на родину вин хватало для не слишком сложной беседы.

Уходить не хотелось. Он не чувствовал голода, хотя поесть, конечно, не мешало бы: до ужина еще далеко. Но здесь, в опустевшем ангаре, он наконец начал приходить в себя после пережитого вчера в аэропорту шока...

Сейчас, после трехчасовой прогулки по солнечному винограднику, у бочки с запенившимися ягодами, Николаю казалось, что странный разговор в аэропорту ему померещился. Никак не могла его жизнь, такая ясная, такая спокойная, в которой ему была ведома до сих пор одна невинная винная страсть, — никак не могла она пересечься с киношными страстями, интригами и заговорами, с коварством и убийствами!

«Кто-то меня проверяет, — подумал он. — Может, даже сам Борис Аркадьевич? Хочет убедиться в моей лояльности?.. Или его служба безопасности? Наверняка! Сам хозяин такими делами заниматься не станет, не его это уровень! Даже если на него уже дважды покушались... И, кстати, один раз его собственный шофер! Ну, точно, это его служба безопасности! Проверяет нового человека!»

При приеме на работу Колю и так прошерстили с головы до ног, всю родню изучили, всю его кратенькую биографию отследили. Оно понятно: Борис Аркадьевич — близкий к Президенту человек, безопасность обязана бдеть. Но им мало, видать, показалось — решили его проверить еще таким путем...

Как пить дать они! Стали бы бандиты вести подобный разговор в аэропорту, когда он летит во Францию? В самом деле, подходит в аэропорту человек и предлагает большие деньги за то, чтобы он, Николай, «помог» хозяину свернуть шею — что это, как не фарс?! Ведь он мог, если бы поверил, немедленно позвонить Борису Аркадьевичу!

А этот тип лишь сказал: «Не вздумай звонить, если тебе жизнь дорога!» И отпустил во Францию!

Сто пудов, это служба Бориса Аркадьевича! Проверка! Но только... тогда получается, что они, велев ему не звонить под страхом смерти, сами за-таились, ждут: позвонит он или нет?! Выполнит ли свой, как это называется, долг лояльности по отношению к Борису Аркадьевичу?! О, черт, если б он сразу сообразил!..

Попросить у хозяйки разрешения воспользоваться ее телефоном? Просить неловко, все-таки международный звонок, — но мобильный его куда-то запропастился. Выронил или украли, теперь не разберешь. А позвонить надо немедленно!

«Месье Николя-а-а!» — звенело во дворе.

Он с сожалением посмотрел на бочку с темно-красными ягодами, начавшими отдавать свой сок, свою кровь будущему вину. Вытащил шест и положил его поперек бочки: где-то должно быть место для него, специальное гнездо, куда его надо поставить... И вдруг почувствовал сильный толчок в спину.

Толчок был рукотворным, Коля явственно ощутил приложившуюся к его спине пятерню.

— Ты чего, мудака, что ли?! — заорал Коля по-русски, едва не клюнув в бочку носом.

Ему никто не ответил, но толчок повторился.

— Ты чего, спятил?!

«Месье Николя-а-а!»

Он хотел обернуться, увидеть того, кто пихал его в спину, в шею... Новый толчок пришелся на затылок и погрузил его лицо в бочку. Коля захлебнулся, попытался выпростать лицо из жижи, прокашляться, сказать идиоту-шутнику все, что он о нем думает... Только в этот момент его ноги оторвались от пола, голова неумолимо пошла ко дну бочки, и ягоды — самые прекрасные ягоды, которые

только была способна породить земля, — поглотили его тело целиком. Легкие наполнил виноградный сок, едва забродивший, пряный, смертельный.

Его больше никто не толкал, но Коля об этом уже не узнал. Он умер.

* * *

— ...И победителем нашего конкурса стал... — ведущий выдержал торжественную паузу, — Владимир Мирончук!!!

Зал захлопал. Влад сдержанно поклонился, ища глазами в публике Дашу. Мелькнуло лицо Евы — ее яркий рот празднично улыбался, она чуть приподнялась навстречу его взгляду, энергично аплодируя. Вежливо кивнув ей, Влад продолжал рассматривать публику. Наконец увидел Дашу. В знак победы она держала перед собой два крепко сжатых кулачка.

Было чему радоваться, в самом деле было! Еще вчера он почти не верил, что его во второй раз выберут лучшим сомелье года! На конкурсах всегда кто-нибудь из организаторов старается «порадеть родному человечку», а «родные» есть практически у каждого...

А вот же, снова выбрали!

С другой стороны, подтасовать было бы трудно — это вам не конкурс исполнителей песни, где отсутствие голоса можно возместить еле прикрытой попкой. Нет, в его профессии работают нюх, глаз, вкус, а их не подделаешь! Определить по цвету и запаху не только происхождение и название вина, но и год урожая не каждый сумеет. Нужен, во-первых, талант, а во-вторых, опыт. И у Влада они есть!

Покидая сцену, он сделал незаметный знак Даше, чтобы прошла за кулисы. Куда поехать от-

праздновать победу? В ресторан? Или пригласить ее к себе? Но согласится ли она?

— Можно вас на минуточку, молодой человек?

Влад оглянулся. Возле него стоял мужчина средних лет — прекрасно сшитый костюм, благородная седина, неулыбчивая любезность.

— Слушаю вас.

— У меня к вам интересное предложение. Где тут можно поговорить без посторонних?

— Это надолго? Меня ждут.

— Не беспокойтесь, пять минут, не больше.

Влад указал рукой на правое ответвление коридора, ведущее к выходу. Других мест он просто не знал: для конкурса сомелье арендовали известный концертный зал, где Влад совершенно не ориентировался.

В этом коридоре было пустынно. Участники мероприятия еще не потянулись к выходу, и лишь в конце коридора маячила одинокая будочка охранника.

— Не буду терять ваше драгоценное время, Володя... — почтительно произнес мужчина.

— Влад, с вашего позволения. Или Владимир, на выбор.

Он отчего-то страшно не любил уменьшительное «Володя», особенно это жесткое, как ледоруб, «дя» в конце.

— ...Владимир, без проблем... Я сразу к делу: как бы вы отнеслись к смене места работы? С лучшими условиями, разумеется.

— Смотря что за работа.

— Разумный ответ, — кивнул мужчина. — Поясню: один очень высокопоставленный человек ищет персонального сомелье. Работа примерно такая же, как в вашем ресторане: формирование винного погреба, обслуживание приемов, где вы сможете блеснуть грамотными рекомендациями и

экскурсами в историю и характеристики вин. Зарплата, полагаю, будет раза в три больше, чем ваша теперешняя.

— *Полагаете?*

— Да, — кивнул его собеседник. — Видите ли, я не нанимаю вас. Я только хочу узнать, заинтересуетесь ли вы подобным предложением. Если скажете «да», то я вас этому человеку порекомендую.

— Не понял... А вам зачем?

— Правомерный вопрос, — мужчина снова одобрительно кивнул. — Это мой друг, и он ищет себе нового сомелье. И я, прежде чем ему...

— «Нового»? Значит, был «старый»?

— Верно, был. От вас ничего не скроешь, молодой человек, — улыбнулся мужчина.

— Его уволили? Я бы хотел знать, за что. Если ваш друг сумасброд...

— Нет-нет, его прежнего сомелье не уволили! С ним произошел несчастный случай, увы... Так вот, прежде чем я своему другу скажу о вас, я хотел бы убедиться, что подобное предложение может вас заинтересовать. Иначе я рискую попасть впро-сак: порекомендую вас, а вы вдруг возьмете да не захотите покидать ваше нынешнее место работы...

— Понятно, — перебил его Влад, глянув на часы. — Если я могу заниматься любимым делом и за бóльшие деньги, то вряд ли откажусь. Хотя нужно узнать подробнее. Пусть он свяжется со мной.

— Отлично! — улыбнулся незнакомец. — В таком случае ждите вскоре звонка!

Влад торопливо распрощался с незнакомцем, мельком подумав, что тот ему не представился... Но он боялся упустить Дашу: вдруг, не найдя его, она уйдет? Он устремился к той двери, что вела из зрительного зала за кулисы...

Ева! Ну, кто бы сомневался! За ней сбились в кучку несколько коллег и знакомых, пришедших

его поздравить, но Ева стояла у двери, как баррикада, сладко растянув в улыбке красный рот. Дашу и не было видно. Неужели ушла?

— Влад! Мои поздравления, милый!

— Спасибо, Ева.

Натянуто улыбнувшись, Влад, едва не отодвинув ее плечом, пожал еще несколько рук, поцеловал несколько щек и раскрыл дверь в зал. Даша обнаружилась в первом ряду опустевшего зала — скромно сидела в красном бархатном кресле, положив по-детски руки на коленки.

— Пойдем, — сказал Влад.

Обхватив Дашу за плечи, провел ее мимо Евы — он не обернулся, но знал, что лицо ее исказилось, — к служебному выходу.

— Отметим? — предложил он уже на улице.

— Конечно!

— Поедем ко мне... — он посмотрел на Дашу.

Четыре месяца как они встречаются, но ни разу еще не оказывались наедине.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА. Это большой срок, а?

Даша молчала, решая.

Или ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА — маленький срок?..

Много это или мало — ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА?!

Май, четыре месяца назад

Банкетный зал быстро заполнился едким сигаретным дымом. «Когда наконец запретят курение в общественных местах! — раздраженно подумал Влад. — Еще несколько таких мероприятий, и я потеряю нюх!»

Нюх его был особенным — еще в детстве стало ясно, что он обладает удивительно тонким обонянием. Влад умел улавливать запахи и их оттенки, недоступные большинству людей. И когда он, вер-